

Троя, лабиринт, Илион: мифологическая и историческая основы эпической традиции

Гомер упоминает Тесея и Ариадну — главных наряду с Дедалом и Минотавром персонажей, связанных с мифом о лабиринте, хотя и не говорит о подвиге Тесея (Od. XI, 321–325):

*Федру я видел, Прокриду; явилась потом Ариадна,
Дочь кознодея Миноса: из Крита бежать с ним в Афины
Деву прекрасную бодрый Тесей убедил; но не мог он
С ней насладиться любовью; убила ее Артемида
Тихой стрелой, науценная Вакхом, на острове Дие.*

В связи с Ариадной упоминает он и некое искусное творение Дедала в Кноссе — но это не лабиринт, а площадка для танцев, которую

*...древле в широкоустроенном Кноссе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.*

(Il. XVIII, 591–592)

Так что остается неясным, знал ли поэт миф о лабиринте.

Лабиринт существует в двух основных ипостасях — как место действия мифа о Тесее, Минотавре и Ариадне и как определенного типа чертеж. Граффито из Помпей удостоверяет их связь: классический, из семи обводов, рисунок лабиринта сопровождается подписью: *Labyrinthus. His habitat Minotaurus* («Лабиринт. Здесь живет Минотавр»).

Распространение мифа и графемы демонстрируют, однако, две совершенно разные картины. Миф о лабиринте известен только на греческом материале, тогда как графема засвидетельствована в греческом мире, во Фригии, в Сирии, Марокко, Этрурии, северной Италии, на северо-западе Пиренейского полуострова, на Британских островах, более всего — в виде выкладки из камней — в Швеции, а также других скандинавских странах, Финляндии, Русском Севере, в Дагестане, Индии, Непале, Индонезии, на юго-западе Соединенных Штатов, в граничащем с ним мексиканском штате Сонора и, наконец, Бразилии; можно еще упомянуть лабиринты в средневековых церквях Франции и Скандинавии. В этот перечень не включены изображения, которые явным образом связаны с влиянием греческой культурной традиции, с мифом о Тесее и Минотавре.

Самое раннее датируемое изображение лабиринта — табличка из Пилоса, происходящая из слоя, непосредственно предшествующего разрушению пилосского дворца, которое, по принятой хронологической схеме, произошло ок. 1200 г. до н. э. К той же эпохе относится лабиринт из Тель-Рифа'ата (в Сирии, примерно в 30 км к северу от Алеппо). Пилосский лабиринт прямоугольный, однако все прочие ранние лабиринты — в Испании, Британии, Италии, на острове Сардиния — круглые, и о некоторых из них есть веские основания думать, что они его старше. В Тель-Рифа'ате лабиринт тоже круглый. По-видимому, лабиринт из Пилоса являет собой раннее выражение той же тенденции, в силу которой в декоративном искусстве Европы, и в частности Греции, спирали были заменены меандрами (или же он попросту является мистификацией одного из участников раскопок?).

В тесной ассоциации как с мифом, так и с чертежом стоит еще одно явление — определенная последовательность ритуальных движений, в подавляющем большинстве случаев в виде танца. Тесей и его спутники на возвратном пути сплясали на священном острове Делосе танец «журавль»; Плутарх говорит, что фигуры этого танца были «подражанием обводам и проходам лабиринта» (Thes. 21).

Одно из традиционных именовании северных выкладок из камней — «девичьи танцы». В позднем средневековье в соборе Осера по начерченному на полу лабиринте водили особый хоровод. Логично считать, что скандинавские и французские традиции в данном случае восходят к дохристианской эпохе и, более того, имеют общие истоки с греческой традицией.

Вергилий сравнивает с критским лабиринтом не танец, но сложное встречное движение всадников — участников «троянских игр» (V, 580–603).

Сравнение, используемое Вергилием, подводит нас еще к одной ассоциации — с Троей. Соотнесение «троянских игр» с лабиринтом могло бы показаться случайным, если бы не обстоятельство, что многочисленные лабиринты Швеции и Англии традиционно именуются «троянскими городами/крепостями».

В таком случае следовало бы предположить, что связь между Троей и лабиринтом древняя, возможно — исконная. Такой вывод и был сделан Эрнстом Краузе в его работе «Троянские крепости северной Европы», опубликованной в 1893 г.¹²⁷ Краузе привел ряд косвенных свидетельств и соображений в пользу подобного заключения. По его мнению, Троя изначально и есть лабиринт, хозяином которого является чудовище, похищающее деву-солнце, которую затем освобождает отважный герой.

Когда Краузе отправлял свою книгу в печать, ему еще не была известна публикация находки из Тральятеллы: на этрусском винном сосуде, датируемом поздним VII в. до н. э., среди прочих изображений был представлен классической формы лабиринт с надписью на нем «ТРУЯ» (рис. 19)¹²⁸! Можно представить себе энтузиазм ученого, чьи выводы, казалось бы, столь блестяще подтвердились (фонетические колебания *o* и *u* никакой трудности не представляют). Краузе

¹²⁷ Krause E. Die Trojaburgen Nordeuropas. Glogau, 1893.

¹²⁸ Krause E. Die nordische Herkunft der Trojasage. Glogau, 1893.

Рис. 19. Лабиринт на ойнохое из Тральятеллы.

тотчас выпустил в свет небольшую дополнительную монографию «Северное происхождение сказания о Трое»¹²⁹.

Научный мир проигнорировал обе работы Краузе. Их автор, правда, обладал ученой степенью, но отнюдь не в историко-филологических науках. Мода на солярную мифологию как раз подошла к концу, а несколько десятилетий спустя в хеттских документах обнаружили упоминание Вилусы (=Илиона), ее правителя Алаксандуса (=Александра, он же Парис) и схожей с Троей Труисы. Разбираться в «умозрительных» построениях Краузе стало не интересно. Правда, ученые, специально занимавшиеся историей лабиринтов, например Германн Керн, работы Краузе не забыли, но и они недооценили их значение. И только Ариэль Голан — замечательный знаток древней символики — недвусмыс-

¹²⁹ Изображение лабиринта скрывает часть хвоста лошади: возможно, это указывает на то, что всадник только что выбрался из лабиринта.

ленно поддержал тезис Краузе. По формулировке Голана, «Троя — истонное название лабиринта и олицетворявшейся им крепости»¹³⁰. Правда, новых существенных фактов и соображений в защиту этого тезиса Голан не привел, а с предложенной Краузе солярной интерпретацией мифа скорее не согласился.

По-видимому, Краузе был близок к истине в обоих отношениях, хотя солярная интерпретация лабиринта нуждается в уточнениях, а связь между лабиринтом и Троей требует дальнейшего обоснования. О лабиринте мы уже писали¹³¹, поэтому первый аспект здесь будет изложен по возможности кратко (впрочем, с некоторыми дополнениями к интерпретации, предложенной нами ранее).

Классическая схема лабиринта состоит из семи обводов. Нами было показано, что в раннюю эпоху число *семь* — *это число солнца*, в особенности характеризующее движение светила от летнего солнцестояния к зимнему и соответственно — смену времен года¹³².

Далее, движение дорожки к центру лабиринта строится так, что ее направление регулярно *меняется на противоположное*. В этом можно усмотреть отражение представления, которое реконструируется на основании сопоставления археологических памятников, происходящих из Дании, и текстов, сохранившихся на санскрите. А именно предполагалось, что солнце — это диск, у которого одна сторона светлая, а другая — темная. Мы говорили об этом представлении в связи с тем его вариантом, по которому солнце ежедневно описывает круговые орбиты¹³³. Но можно догадаться о существовании и другого варианта, по которому ночь наступает оттого, что солнце, достигнув западных пределов

¹³⁰ Голан А. Миф и символ. С. 130; см. также с. 126, 131.

¹³¹ Панченко Д. В. Диффузия идей в Древнем мире. С. 110–150.

¹³² Panchenko D. Solar Light and the Symbolism of the Number Seven // Hyperboreus. 2006. Vol. 12. P. 21–36.

¹³³ См. выше, раздел «Царство мрака на крайнем юге».

своего пути, поворачивается к нам темной стороной и движется обратно — к востоку; достигнув восточных пределов, оно вновь разворачивается и снова движется к западу. Естественно думать, что светлая и темная стороны солнечного диска были придуманы для объяснения того, *почему солнце исчезает из виду и наступает ночь*. Отсюда следует, что изначально идея связана не с первым, а со вторым сценарием. Ведь представление о ежедневной круговой траектории не нуждается в том, чтобы одна сторона диска была темной; достаточно, чтобы по той или иной причине солнце, оказываясь на севере, становилось невидимым¹³⁴. Таким образом, то солнце, у которого одна сторона была светлой, а другая — темной, изначально двигалось не по кругу, а, поворачиваясь то одной, то другой стороной, ходило туда-сюда. Отсюда постоянное изменение движения на противоположное. В описании римского автора IV в. Мария Викторина трехшаговый танец, исполненный Тесеем и его спутниками, обнаруживает ту же характерную черту: «Сначала они делали три шага направо, подобно небесам, когда они поворачивают с востока на запад; потом танец продолжался в левую сторону, подобно тому как солнце, луна и другие планеты спешат налево с запада на восток. В-третьих, они пели свою песню стоя, поскольку земля, окруженная небесами, недвижно пребывает в центре космоса»¹³⁵. Трехшаго-

¹³⁴ Чаще всего такой причиной выступает огромная гора на севере. Впрочем, в Скандинавии, примыкающей к атлантическим просторам, куда ежедневно заходило солнце, лошадь с солнечным диском со временем пересадили на корабль: днем они перемещаются по небу, а ночью морским путем доставляются к точке восхода. Ту же комбинацию идей мы находим в ранней греческой поэзии (см.: *Panchenko D. Scandinavian Background of Greek Mythic Cosmography: The Sun's Water Transport*).

¹³⁵ Цит. по: Керн Г. Лабиринты мира. СПб., 2007. С. 26. Говоря о движении солнца, луны и планет в противоположную сторону, Марий Викторин имеет в виду, разумеется, не то же, что мы; он, очевидно, думает о сидерическом (годовом, месячном и т. д.) обращении светил, которые предстают движениям в сторону, противоположную суточному движению солнца, луны и звезд.

вый танец (какой в точности — не сообщается) исполняли и в лабиринте французского Осера¹³⁶, и опять же нет причин думать, что этот танец сюда принесли христиане или римские колонисты. Попеременное изменение направления движения на противоположное характеризует и Троянские игры, как они описаны Вергилием.

Итак, «маятниковое» движение лабиринта указывает на специфическое представление о суточном движении солнца, имеющего только одну светлую сторону и ежедневно поворачивающегося в противоположную сторону, дойдя до западных пределов, тогда как семь обводов — на движение солнца от солнцестояния к солнцестоянию. Сочетание семи обводов и «маяникового» движения символически отображает одновременно как суточный, так и полугодовой циклы солнца.

К этому можно прибавить следующее. В день летнего солнцестояния солнце поднимается над головой выше всего, в день зимнего солнцестояния — ниже всего. Его продвижение в течение шести месяцев от зимнего солнцестояния к летнему можно помыслить как подъем со ступени на ступень (или с этажа на этаж), и таких ступеней (этажей) будет шесть, а ограничивающих их линий — семь¹³⁷. Косвенного рода указания на подобную идею в источниках имеются¹³⁸, и, возможно, в ней мы находим объяснение еще одному аспекту лабиринта — тому, что он может представлять горой. *Etymologicum Magnum* (византийский словарь, аккумулировавший древние филологические традиции) поясняет значение слова «лабиринт»: «на острове Крит есть гора, в которой пещера, нелегкая для спуска, трудная для выхода». От образа горы легко перейти к образу пещеры, и в этом качестве лабиринт неоднократно фигурирует у древних и зависящих от них авторов. При этом кажется наиболее правдоподобным

¹³⁶ Керн Г. Лабиринты мира. С. 174.

¹³⁷ Для того, чтобы графически обозначить один месяц, нам понадобятся две линии (ограничивающие его начало и конец), для обозначения двух месяцев — три линии, для обозначения шести месяцев — семь линий.

¹³⁸ Панченко Д. В. Диффузия идей в Древнем мире. С. 101–105.

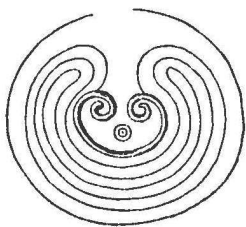

Рис. 20. Узор на фибуле, Швеция.

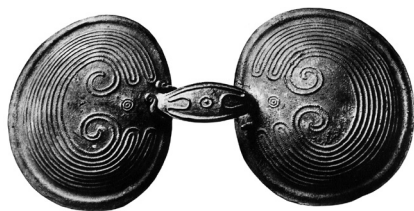

Рис. 21. Фибула, Швеция.

именно то, что связь лабиринта с пещерой третична, с горой — вторична, а с движением солнца по небу — первична. Это косвенно подтверждается соседством лабиринтообразных фигур с вероятным обозначением небесного полюса (см. предыдущий раздел) на шведских фибулах позднего бронзового века (рис. 20¹³⁹ и 21¹⁴⁰).

Вместе с тем странно думать, что прямым назначением лабиринта было отображение солнечного пути. Лабиринт — это хитроумный чертеж, интересный прежде всего сам по себе; это изобретение виртуоза. Лабиринт — это совместное произведение *Homo religiosus* и *Homo ludens*, соединившихся в одном лице. Для одних лабиринт был руководством для проведения ритуальных танцев. Для других загадочные дорожки лабиринта соединились с тревогами о загробном пути души, покинувшей тело человека; в «Энеиде» лабиринт начертан у входа на тот свет (VI, 20–30), и кто знает — не имелось ли изначально в виду, что душа, следуя замысловатому пути солнца, поднимается к горным высям — обиталищу бессмертных? Для третьих, четвертых и пятых лабиринт

¹³⁹ *Sprockhoff E.* Jungbronzezeitliche Hortfunde. S. 213. Abb. 54b:15; cf. Abb. 54b:10, 12, 13.

¹⁴⁰ *Schuster C., Carpenter E.* Materials for the Study of Social Symbolism in Ancient and Tribal Art. Vol. 3. Book 2. New York, 1988. P. 361.

был чем-то еще. А какие-то люди под впечатлением от лабиринта стали сочинять истории о необыкновенных крепостях и спрятанных в них похищенных женщинах.

Итак, на рисунке из Этрурии лабиринт обозначен словом «Труя», которое вполне может быть идентично слову «Троя»; участники принятых в Риме Троянских игр двигались, согласно Вергилию, наподобие дорожек лабиринта; в Британии и Скандинавии выкладки в виде лабиринта именовались «троянскими городами/крепостями»; женщина в центре лабиринта изображается на фресках Швеции и Финляндии¹⁴¹. Но что на греческом материале? И здесь отыскивается сообщение, которое может указывать на родство Трои и лабиринта. Страбон в «Географии», в главе, посвященной Египту, замечает между прочим следующее: «Неподалеку от каменоломен, из камней которых построены пирамиды, на другой стороне реки, в виду пирамид, в Аравии находится весьма скалистая гора под названием “Троянская”; у подошвы этой горы находятся пещеры и селение, называемое Троей (вблизи этих пещер); это древнее поселение троянских пленников, которые сопровождали Менелая, но осели там» (XVII, 1, 34; пер. Г. А. Стратановского).

О пребывании Менелая в Египте говорится в «Одиссее», поэтому понятно, что троянские пленники Менелая были придуманы какими-то греками ради объяснения удивительного топонима, однако саму Троянскую гору упоминают и некоторые другие авторы, в частности Птолемей (Geogr. IV, 5, 12). Герман Кеес в энциклопедии Паули-Виссова предлагает следующее разъяснение: известное с Древнего Царства название каменоломни означает «длинное жерло»; ставший обычным со времен Нового Царства вариант «земля длинного жерла» (так в Pap. Harris I 37b, 3b) звучал приблизительно как Тегба, что было услышано греками как Троя¹⁴².

¹⁴¹ Керн Г. Лабиринты мира. С. 348. Илл. 598 и 601.

¹⁴² Kees H. Tröikon oros // Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Bd. 13. 1939. Sp. 601 f.

Созвучие, конечно, интригующее, но чтобы иноязычное слово было воспринято как знакомое, необходима, помимо созвучия, смысловая ассоциация. Троя не была для греков «длинным жерлом» или каменоломней. Если же принять связь Трои с лабиринтом, то все становится более понятным: вырубленные в горе пещеры с длинными и запутанными переходами (как это бывает в каменоломнях) походили на лабиринт, и потому греки назвали гору Троянской, интерпретировав соответствующим образом местное название. Ассоциация между лабиринтами и пещерами надежно засвидетельствована в традиции. Тот же Страбон в описании Арголиды замечает: «Непосредственно после Навплия идут пещеры с устроенными в них лабиринтами, которые называются Киклоповыми» (VIII, 6, 2). В поздней античности критский лабиринт локализовали в пещере (очевидно, на месте каменоломни) в Гортине¹⁴³. Традиция отождествления лабиринта с пещерой представлена у византийских лексикографов¹⁴⁴. Гора, как мы видели, тоже подходит лабиринту.

Допустим, однако, следующее. Троя и лабиринт действительно исторически связаны, и связаны они, более того, понятным образом: лабиринт строится на кругах и поворотах, тогда как индоевропейская основа с тем же значением различима в вариантах слова «Троя»¹⁴⁵. Тогда возможно, что наша Троя попала в компанию случайно, по созвучию, и весь внушительный набор доводов оказывается иллюзорным.

И все-таки, как мы увидим, такое компромиссное решение едва ли является предпочтительным.

Ученейший хорезмиец Аль-Бируни в своей «Индии» (ок. 1045 г.) — книге, основанной на широком и тщательном

¹⁴³ См.: Керн Г. Лабиринты мира. С. 39–40.

¹⁴⁴ См.: Андреев Ю. А. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — нач. I тысячелетия до н. э.). СПб., 2002. С. 498; Керн Г. Лабиринты мира. С. 17–18. Табл.

¹⁴⁵ В древнегреческом языке эта основа отчетливо выступает в слове *trohos* («колесо») — ср.: *Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1977. P. 1116.*

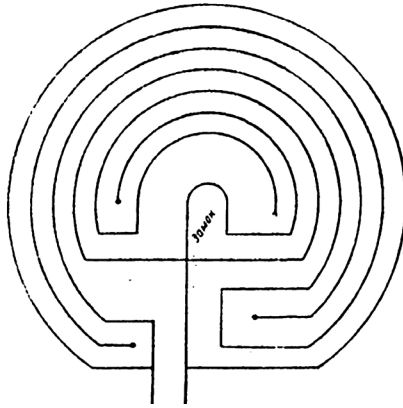

Рис. 22. Замок Раваны по Аль-Бируни.

изучении местных традиций, пишет, в частности, следующее: «...Ланка находится между двумя пределами обитаемого мира и не имеет долготы. Именно там укрепился демон Равана, когда он похитил жену Рамы, сына Дашараткхи. Его крепость с запутанным ходом, ведущим к ней, называется ...¹⁴⁶ а в наших странах она называется Явана-коти, и часто ее связывают с ар-Румом. Я имею в виду крепость с таким планом» (рис. 22)¹⁴⁷.

Итак, в тексте Аль-Бируни лабиринт ассоциируется, во-первых, с *крепостью*, а во-вторых — с *похищением женщины*. Что касается первого из этих мотивов, то сразу же на ум приходят «троянские крепости» Скандинавии и Англии. Более того, и в Дагестане лабиринт называют «крепостью Хайбар»¹⁴⁸. Таким образом, ассоциация между лабиринтом и крепостью выступает общим мотивом для северо-западной

¹⁴⁶ В рукописи выражение, которое переводчики затрудняются перевести.

¹⁴⁷ Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения. Т. II. Ташкент, 1963. С. 159–160; пер. А. Б. Халидова и Ю. А. Завадского. «Явана», насколько я понимаю, значит «греческий», ар-Рум — Рим.

¹⁴⁸ Голан А. Миф и символ. С. 125.

Европы, Индии и Кавказа. При этом общей для северо-западной Европы и Индии оказывается *тройная* ассоциация между *лабиринтом, крепостью и похищением женщины*. В греческой мифологии укрепленное место, где прячут похищенную женщину, именуется Троей.

Обратимся к похищенным женщинам.

Сюжет, упоминаемый Аль-Бируни, принадлежит знаменитой «Рамаяне». Его сходство с сюжетом, лежащим в основе эпических произведений о Троянской войне, бросается в глаза. «Легенда о Троянской войне — это, по сути дела, та же история похищения жены, что и в “Рамаяне”. В роли Ситы выступает здесь Елена, в роли Рамы и его союзников — Менелай и остальные ахейцы, в роли Раваны — Парис, осаду Ланки замещает осада Трои»¹⁴⁹.

К сказанному следует добавить, что Рама осаждает столицу Раваны вместе со своим братом Лакшманой — как Менелай вместе с Агамемноном, и что Александр (=Парис), похитивший Елену и удерживающий ее в Трое, идентичен похитителю Ситы не только функционально, но и, можно сказать, по своему имени, ибо Равана — царь ракшасов, а греческое *alexō* (от которого имя 'Александр') идентично древнеиндийскому *rākṣatī* («защищать», «охранять») ¹⁵⁰.

Далее, Сита — изначально явно богиня: «В “Ригведе” (IV, 57, 1–2) под именем Ситы читится богиня пашни... Сита «Рамаяны» тоже появляется на свет из борозды на поле, вспаханном царем Джанакой (I, 66), а в заключении эпоса она вновь скрывается в земле, попадая в объятия своей матери — богини земли»¹⁵¹. Но и Елена была богиней¹⁵², причем, по-видимому, связанной (как и Сита) с плодородием. И если в «ведийской литературе мужем Ситы почитался бог дождя

¹⁴⁹ Гринцер П. А. Эпос древнего мира. С. 172.

¹⁵⁰ Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. S. 70.

¹⁵¹ Гринцер П. А. Эпос древнего мира. С. 171–172.

¹⁵² По крайней мере, она точно была богиней в Спарте (см.: Burkert W. Greek Religion. P. 205).

и грома Индра-Парджанья»¹⁵³, а Елена — дочь громовержца Зевса, то здесь опять-таки больше сходства, нежели различия. Из всего сказанного для нас наиболее существенным является то, что Елена (как и Сита) — изначально *персонаж мифа, а не эпического предания*¹⁵⁴. Между тем имеются основания думать, что и Парис=Александр изначально принадлежал мифу¹⁵⁵. По реконструируемому мифу, Александр (ракшас Равана) держит в плену Елену (Ситу). В одном варианте мифа местом плена является Троя, в другом — лабиринт. Функционально они тождественны.

Ланка (где лабиринт) и Троя имеют еще одну весьма специфическую общую характеристику. Посвященная Ланке глава называется «О Ланке, или О куполе земли». Аль-Бируни, профессиональный и выдающийся астроном, уточнив, что о куполе земли речь может идти лишь в метафорическом смысле, поясняет: по словам индийцев, Ланка находится на одинаковом удалении от восточных и западных пределов мира, в месте без широты (очевидно, на экваторе). Из всех этих слов вырисовывается представление, по которому Ланка находится в центре земной поверхности (которая в данном случае не мыслится шарообразной). Сходная локализация засвидетельствована и для Трои — правда, не в греческой, а в скандинавской традиции. По словам Снорри Стурлусона, Троя находится «вблизи середины земли»¹⁵⁶. Можно было бы сказать, что такая локализация Трои попросту отражает одну из картографических традиций, однако имеется характерная аналогия: некото-

¹⁵³ Гринцер П. А. Эпос древнего мира. С. 172.

¹⁵⁴ В пользу такого заключения говорит и тот факт, что в мифологии с Еленой связан еще один сюжет, аналогичный сюжету ее похищения Александром. Елену похищают Тесей и Пирифой, а выручают ее братья-близнецы (Диоскуры). В Трое к ней на выручку тоже идут братья (хотя и не близнецы, и не братья самой Елены).

¹⁵⁵ Шауб И. Ю. Италия-Скифия: культурно-исторические параллели. СПб., 2008. С. 84–94.

¹⁵⁶ Младшая Эдда. С. 10.

рые лабиринты на севере Франции обозначались как путь в Иерусалим¹⁵⁷, тогда как Иерусалим в средневековой географии и картографии еще прочнее занимал центр земли, чем область проливов, разделяющих Европу и Азию. Более того, боги-асы «построили себе град в *середине мира* и называли его Асгард, а мы называем его Троя»¹⁵⁸. Снорри не говорит, что Асгард/Троя — небесный город. Но где еще находится городу богов? В любом случае центр земли — это проекция на земную поверхность центра неба (ведь центр неба очевиден — это небесный полюс, а как определить центр земли?).

Но и греческая (не только скандинавская) Троя в одном отношении совершенно необычный город. Согласно «Илиаде», ее стены построили боги — Посейдон и Аполлон (XXI, 443–457). Посейдон вспоминает, как по воле Зевса они трудились за плату (которая осталась невыплаченной) у царя Лаомедонта. Что привело к столь необычной ситуации — мы не знаем. И это совершенно закономерно. Ведь изначально, догадываемся мы, боги строили укрепленный город для себя! При многообразии этнокультурных контактов догомеровского времени полученные версии мифов сплошь и рядом преобразовывались. Тем, кто привык думать о богах как обитателях Олимпа, стало непонятным, зачем богам нужна крепость, и была придумана история о службе у Лаомедонта¹⁵⁹. Учтем еще, что Посейдон, почитавшийся ионийцами в

¹⁵⁷ Керн Г. Лабиринты мира. С. 176.

¹⁵⁸ Младшая Эдда. С. 19 («Видение Гюльви»).

¹⁵⁹ Искусственное и противоречащее «Илиаде» объяснение, которое представлено в «Мифологической библиотеке» (Посейдон и Аполлон решили испытать Лаомедонта — Arolood. II, 5, 9), показывает, что греческие филологи не нашли в традиции вразумительной предыстории. Стены, сооруженные богами, не помешали Гераклу разорить город Лаомедонта (II. V, 640–651; Arolood. II, 5, 9). Впрочем, боги построили стену для «города троянцев» (II. XXI, 446), а Геракл разгромил Илион (V, 642, 648; причем в этих стихах «Илион» стоит в разных метрических позициях). См. далее: Panchenko D. Building Laomedon`s Troy: A Northern Parallel (в печати).

Ионии, а также ахейцами в Гелике¹⁶⁰, это Посейдон Геликоний. Но мы показали в предыдущем разделе, что по своей природе Посейдон Геликоний — бог небесный, а не морской. И не тот ли самый Посейдон Геликоний был отцом Тесея, коль скоро мать Тесея звалась Эфрой («Эфирная»)? При этом другим именем Минотавра было Астерий («Звездный»; Apollod. Bibl. III, 1, 4; Paus. II, 31, 1), а его мать звалась Пасифаей («Всеозаряющая»)¹⁶¹. Словом, похоже, что и Троя, стены который построил Посейдон, и лабиринт, где его сын Тесей сражался с Минотавром, изначально располагались на небе.

Примем еще во внимание мелочи, значение которых трудно оценить, но которые все же стоит учитывать. Елену похищал не только Александр=Парис, но раньше него — Тесей. Эфра, мать Тесея, сама оказалась пленницей в Трое в качестве служанки Елены. Родился Тесей в городе, который по-русски принято называть Трезеном, а лучше бы — Троишеном; название это с неясной этимологией, и не исключено, что наш Тесей — «Троянский». Между тем нужно считаться с возможным эффектом «испорченного телефона» при передаче мифологического материала от негреков к грекам. Троишен принадлежит к области, где, согласно авторитетной традиции, было значительным карийское

¹⁶⁰ О судьбе этого города, послужившей толчком к платоновскому замыслу об Атлантиде, см.: Панченко Д. В. Платон и Атлантида. Л., 1990. С. 55–62.

¹⁶¹ Смертный отец Тесея, Эгей, оставил в Трезене для сына скрытые под камнем меч и сандалии (Plut. Thes. 3; Apollod. III, 15, 7; 16, 1). Обретение героем спрятанного меча — известный в Европе мотив (ср.: Scott Littleton C. Theseus as an Indo-European Sword Hero, with an Excursus on Some Parallels between the Athenian Monster-Slayer and Beowulf // The Heroic Age. A Journal of Early Medieval Northwestern Europe. 2008. Issue 11). Что касается сандалий, то о них древние авторы, кажется, напрочь забывают. Но это должен быть особый, сверхъестественный предмет — вроде крылатых сандалий, благодаря которым Персей одолел Горгону (Apollod. II, 4, 2). Таким образом, перед нами еще один знак, что свой главный подвиг Тесей совершал в небесных высях. Эгей, по которому, согласно преданию, названо Эгейское море, едва ли не в родстве со скандинавским морским божеством Эгиром.

присутствие¹⁶², а в Карию было местечко на горе, именуемое Лабранда (ср. «лабиринт»), со святилищем Зевса Лабрандинского (Strab. XIV, 2, 23).

И еще одна любопытная аналогия. Стены семивратных Фив построили Зет и Амфион. Складывал камни Зет, а Амфион, чье имя значит «идуший по кругу», играл на кифаре. Эта пара аналогична строителям троянских стен, Посейдону и Аполлону — богу света (по крайней мере, в одной их своих ипостасей)¹⁶³ и кифареду, предводителю хоровода Муз (по наиболее правдоподобной этимологии — «горних»). Хороводы, в которых участвуют небожители, — изначально, конечно же, хороводы звезд вокруг небесного полюса, «середины мира». Но и лабиринт, как мы помним, и в Скандинавии, и на берегах Ионны (в Осере), и, можно сказать, в Греции — площадка для хороводов. Это по части скорее Аполлона. Что же касается Посейдона, то он не только строитель стен Трои, но и хранитель стен Фив (Псевдо-Гесиод. «Щит Геракла», 104–105).

Семивратные стены Фив ведут в том же направлении. Ворота — самая уязвимая часть крепости. В «Илиаде», при описании штурма ахейской стены, это прекрасно показано. Строить город с семью воротами — все равно, что готовить его к сдаче. И, конечно же, раскопки не дали ни малейших подтверждений существованию вокруг Фив стены с семью воротами¹⁶⁴. Откуда же они? Здесь два варианта. Возмож-

¹⁶² Согласно Павсанию, потомки одного из ранних царей Трезена основали Галикарнас и Минд в Карию (II, 30, 8). Страбон дает выразительное свидетельство не только присутствия карийцев в областях, прилегающих к окрестностям Трезена, но и смешения там разнообразных этнических и культурных элементов: «Эпидавр назывался прежде Эпикаром, ибо, по словам Аристотеля, им владели карийцы, так же как и Гермией; однако после возвращения Гераклидов в нем вместе с карийцами поселились ионийцы, сопровождавшие Гераклидов в Аргос из аттического четырехградья» (VIII, 6, 15; пер. Г. А. Стратановского).

¹⁶³ См.: Panchenko D. Solar Light and the Symbolism of the Number Seven.

¹⁶⁴ Symeonoglou S. The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times. Princeton, 1985. P. 32 ff.

но — от семи колец стен, каждое из которых имеет свои ворота, а семь колец заставляют вспомнить классическую схему лабиринта¹⁶⁵. А может быть, изначальный, утраченный при переходе в новую культурную среду смысл выражения *heptarylos* был «с семью поворотами». Ведь ворота — это не просто проем, но и приспособление, характеризующееся вращением створок вокруг оси (ср. *poleiō*, «поворачивать»). Опять мы приходим к лабиринту — вернее, к тому описанию движения солнца, которое положено в основу схемы лабиринта.

Основные этапы созидательной фантазии, связанные с лабиринтом и Троей, можно представить приблизительно следующим образом. Сначала появился удивительный чертёж — схема лабиринта, затем — представление о том, что чертёж указывает на необыкновенную крепость, сооруженную существами высшего порядка. Одно из названий, которое закрепилось за крепостью, было «крученая» (Троя). Далее была придумана борьба за крепость. Изначально борьба эта была, по-видимому, связана с покушением Месяца на Солнечную Деву¹⁶⁶. Затем крепость стала отчетливо земной (а не небесной) и распалась на два разошедшихся образа и два сюжета — кносский лабиринт с Минотавром и Троию с похищенной Александром Еленой.

Демонстрация связи между Троей и лабиринтом позволяет подойти к вопросу, за который, кажется, никто не решался браться. *Как объяснить соединение в эпической традиции*

¹⁶⁵ Singor H. W. The Achaean Wall and the Seven Gates of Thebes. P. 409: “as a seven-fold building it is again related to the labyrinth, which in its turn suggests the city of Troy”. Это высказано скороговоркой, однако Сингор уместно вспоминает описание стен Экбатан у Геродота (I, 98), зиккураты (о которых говорит с уместной осмотрительностью) и справедливо подчеркивает, что «семивратные Фивы» предшествуют семерым вождям, идущим на них войною, а не наоборот (как пытался доказывать Вальтер Буркерт).

¹⁶⁶ У греков Солнце мужского рода, а Луна — женского (Гелиос и Селена), но у германцев и балтов это сплошь и рядом наоборот.

о Троянской войне мифологического элемента (присутствие которого очевидно и без привлечения лабиринта) с историческим, коль скоро Алаксандус, Вилуса и Труиса — исторические имена, появляющиеся в источниках в связи с тем регионом, где в эпической традиции и разворачивается война за Трою? Я подозреваю, что все дело в случайном парном созвучии Трои и Александра, фигурировавших в мифе, с реальными Труисой и Алаксандусом. Хеттские тексты упоминают Алаксандуса, царя Вилусы (=Илиона). Где-то недалеко от Вилусы хеттские тексты помещают область, именуемую «Труиса»¹⁶⁷. Вероятно, произошло приблизительно следующее. Какие-то ранние греки принимали участие в военных действиях против Алаксандуса Вилусийского (=Илионского), власть которого, по-видимому, распространялась на Труису. И вот, по прошествии времени одни барды пели о походе против Александра (Алаксандуса) Вилусийского, повелителя Труисы (Троады/Трои), а другие — о похищении Елены Александром Троянским. В сознании третьих обе истории соединились в одну, и достославному (в основе историческому) походу была найдена подобающая причина — похищение Елены. Говоря иначе, через отождествление Алаксандуса с Александром предание о реальной войне с Алаксандусом и Илионом соединилось с мифом об Александре, похитившем Елену и спрятавшем ее в Трое¹⁶⁸.

Предложенный сценарий допускает, что в эпической традиции о Троянской войне могли уцелеть какие-то дей-

¹⁶⁷ Güterbock H. G. Troy in Hittite Texts? Wilusa, Ahhiyawa, and Hittite History // Troy and the Trojan War. Bryn Mawr, 1986. P. 33–44.

¹⁶⁸ Применение статистических методов к изучению текста «Илиады» также приводит к выводу, что Александр не только ключевой, но и, по-видимому, древнейший (наряду с Еленой) персонаж эпической традиции о Троянской войне (см.: Клейн Л. С. Анатомия «Илиады». С. 160 и сл.). Те же методы приводят Л. С. Клейна и к другому созвучному нашим выводу: «В том сказании, которое образовало один из источников или один из хронологических пластов в формировании «Илиады», дана осада Илиона, а ни ахейцев, ни Трои не было» (с. 101).

ствительно исторические подробности. Их, конечно же, стоит искать, сознавая при этом, что вечно возобновляемый поиск подлинной Трои, устремленность к реконструкции подлинных событий и обстоятельств Троянской войны — это прямое следствие искусства одного поэта, еще одна сторона того чуда, которое именуется «Илиадой».